

Мария ЧАЛКИНА

КУКЛА БЕЗ ИМЕНИ

Мария Владимировна Чалкина родилась в Оренбурге, окончила филологический факультет Оренбургского государственного педагогического университета. Работала внештатным корреспондентом в разных изданиях, редактором Оренбургского книжного издательства. Увлекается живописью, вместе с мужем открыла багетную мастерскую. В настоящее время работает в редакции областной газеты «Оренбуржье», воспитывает двоих детей. Пишет давно, сколько себя помнит, но нигде не печаталась. В журнале «Гостиный Дворъ» публикуется впервые.

У Куклы была бурная молодость, в результате которой она потеряла ногу и большую часть воспоминаний, со свистом вылетевших из пустой белокурой головы. Поэтому та жизнь, которую она помнила, состояла из сидения на печи в деревенском домике.

Хозяйкой Куклы считалась названная в честь Пушкина Александра Сергеевна — крупная, костистая и весёлая старуха. Но Александра Сергеевна не уделяла Кукле много внимания, лишь подстелила ей тулуп, чтобы не обожглась, да изредка говорила ей: «Чё лупишь? Вот тебе б мою жизнь».

Но Кукла не хотела меняться жизнями со старухой. С печи она видела окно, козу, гуляющую по двору, весельчака Букета — деревенского лохматого звоночка — и гостей Александры Сергеевны. А гости чаще всего были непростые: городские писатели да художники. Они приезжали в деревню отдохнуть от шума моторов и ярких реклам, а народная тропа

неизменно приводила их к тѣжке классика. Некоторым из них она не просто продавала отличную медовуху для вдохновения, но и приглашала в дом, где угощала картошкой с салом и домашним тяжѣлым вином. Кукле нравилось слушать их разговоры. Она напивалась отрывочными знаниями, как губка, и жизнь её не была скучна. К тому же у неё были друзья. Непостоянные — мышки, безвременно гибнущие в неравных боях, — и постоянный — кот Дашка. Дашка был сер как зола и довольно горд. Его испещрённая шрамами морда и отсутствие обоняния выдавали в нем первого парня на деревне.

К Кукле Дашка относился не плохо, с известной долей презрения, но иногда устраивал ей подарок — сбрасывал ловкой лапкой на пол. И тогда, поднятая Александрой Сергеевной, она могла пожить несколько дней на сундуке или в парадном углу на диване в окружении вышитых салфеток и фарфоровых дев, но при первой же уборке неизменно отправлялась на печь.

Одно только омрачало Куклину жизнь. Нет, к отсутствию ноги она привыкла давно, к тому же, между нами, не так уж и нужны куклам эти ноги, если только пухлая девочка не пытается заставить их ходить. Её глаза, зелёные, круглые и опущенные чёрными ресницами, давно сломались, и поэтому она боялась их закрыть. Буквально несколько месяцев назад она, устав от наблюдений и событий, осторожно прислонялась к

тѣплым кирпичам и прикрывала глаза с лёгким щелчком. Но как-то раз она не смогла их открыть, несколько дней пыталась, но потом сдалась, и крупные, невидимые взрослым игрушечные слёзы потекли из-под закрытых век. Выручил Дашка. Резко сметённая когтистой лапой Кукла ударилась об деревянный пол, и глаза снова широко распахнулись. Но после этого прикрыть веки Кукла не решалась. Она знала, что это будет в последний раз.

Так бы она и закончила свой кукольный век, но пришёл один из городских любимцев бабы Саши — писатель, поэт и художник Володька. Кукла давно хотела как-то с ним поближе познакомиться: его рассказы о дочке Насте, о грибах, зайцах и косулях (он был любитель погулять по лесу) нравились ей больше всего. В этот раз Кукле повезло: она была в «отпуске» и сидела прямо на столе, опираясь розовой рукой о маслѣнку. «Ишь расселась», — заворчала Александра Сергеевна и собралась было отправить её в родные пенаты. Но поэт остановил бабулю. «Отдайте её мне, баб Саш, — попросил вдруг он, — мне по ночам здесь бывает грустно, пусть сидит, о Настеньке напоминает». У Володьки был маленький домик на краю села, и несколько раз в год он приезжал поработать в тишине.

«Да забирай, ей у тебя веселее будет, сказки будешь ей читать», — легко согласилась бабка. И Куклина жизнь одиноко потекла в другом пропахшем мышами

стареньком доме. Она поселилась на большом деревянном топчане, дружила всё так же с мышами и приبلудными кошками. Но в этой жизни мыши были наглее и толще, а кошки робкими и даже трогать её стеснялись, так, нюхали осторожно светлые кудряшки и прикусывали пластмассовые пальчики на ноге. Кукле было щекотно, и она чувствовала себя живой. Но дни приезда Володьки стали для неё невероятным праздником. Он наполнял дом светом, цветами, запахом масляных красок и чернил. Сидя за рабочим столом, он иногда смотрел в живые от отражающегося пламени свечи Куклины глаза и советовался с ней. Если ей нравилось, Кукла осторожно кивала или кривила губы в лёгкой усмешке, когда была в восторге. Володька радовался одобрению и возбуждённо дописывал рассказ или стихотворение. В благодарность писатель дал Кукле имя, но она его забыла. А иногда приезжала Настя с мамой.

Настя была единственным и поздним ребёнком. У неё, выросшей в творческой среде, было необычное и весёлое детство. Девочка была слегка избалованной, любопытной и весьма образованной для своих лет. Кукла ей не то чтобы понравилась, но других здесь не было, поэтому она купала Куклу в тёплой воде на свежем воздухе, втыкала ей в волосы полевые цветы и брала её иногда в лес. Леса Кукла толком не увидела, потому что всегда лежала на дне корзинки рядом с грибным

ножом, а к концу похода её покрывало множество остро пахнущих грибов. Но она видела небо, верхушки деревьев и пролетающих птиц. Кукла была счастлива. В дни отъезда писателя с семьёй она надувала нежные губки и печально вглядывалась в лица дорогих ей людей. Однажды Настя поняла её тоску и взяла Куклу с собой в город.

Кукла предвкушала третью счастливейшую жизнь. Но старость взяла своё. В коллектив ярких и молодых Настиных кукол она не вписалась, её потёртое синее платье, немигающие глаза и изувеченное тело вскоре наскучили Насте. А может, Настя просто выросла, и Кукла была её последней игрушкой. Отнеся однажды Куклу на чердак и оставив жить среди голубинового помёта и вездесущих кошек, Настя распрощалась с детством...

В этот день Кукла словно очнулась от ставшего вечным десятилетнего сна. Её распахнутые глаза уже устали смотреть на эти деревянные балки, и даже кусок неба, голубеющий в чердачном окне, давно перестал радовать её. Кукла умирала. Ей очень хотелось вспомнить что-то важное, но она не могла...

Буквально под полом чердака, на котором лежала Кукла, плакала Настя. Настя пришла к родителям, заперлась в их ванной, пустила воду и, наконец, впервые за много лет разрыдалась. Она плакала как ребёнок, толком не зная и не понимая отчего. Просто как-то сразу, придя в родительский

дом, она почувствовала неожиданную и необъяснимую тоску. Ей вдруг остро и ясно показалось, что взрослая и свободная жизнь скучна, что её тянет обратно в детство, что ей хочется чего-то важного и главного. Она толком не понимала ещё, чего именно. Но сквозь слёзы ей мерещились маленькие розовые пальчики, босые пяточки, белоснежные пелёнки...

Почему-то вспомнилось, как она носила в лес деревенскую куклу-инвалидку, а теперь вдруг захотелось повести за руку в этот лес весёлого карапуза, захотелось купать, ласкать, учить и воспитывать неведомого ей ребёнка. «Так как же звали эту куклу?» — почему-то оказалось важным это вспомнить. Настя даже перестала плакать.

«Как её звали?!» — потребовала она ответа от детских воспоминаний. И, ворвавшись в городскую, выложенную кафелем ванную, солнечное, щебечущее и цветущее детское лето шепнуло ей: «Настенька. Её так назвал твой папа, скучая по тебе, — Настенька». Разгадав, вспомнив, Настя почему-то невероятно обрадовалась.

Всё стало гораздо проще, как будто встали на место кусочки мозаики. «Вот странно-то, тёзка ж моя?!» — весело удивлялась Настя, заранее радуясь и ещё не зная, что меньше чем через год на её руках будет лежать розовощёкий малыш, а она будет очень гордиться тем, что так нужна, до крика, до слёз нужна, будет удивляться и плакать светлыми слезами от того, что так умеет любить.

А наверху, на чердаке Кукула внезапно и очень легко вдруг вспомнила своё имя. «Настя, — неслышно произнесла вырезанными губами. — Два раза ж окрестили Настей! Маленькая ещё Александра Сергеевна ведь тоже звала меня Настькой!» Почему-то это стало самым большим счастьем в кукольной жизни. Больше ничего она уже не хотела. Кукла Настя решилась. Посмотрев на небо, она с трудом и лёгким скрипом прикрыла глаза, а потом закрыла их совсем. Стало спокойно и светло.

БЕГСТВО НОЧКИ

Ночка всегда начинала день с суеты. Она нервно просыпалась, готовила завтрак, будила дочь в школу. Собиралась сама. Но делала всё тихо: муж поздно лёг, его нельзя будить. Полная раковина посуды после его ночных бдений ждала Ночку. Она быстро всё мыла, прибиралась и бежала на работу. С работы она тоже бежала, так как нужно было приготовить обед. Муж гретое не ел. Надо было готовить что-то свежее. Ночка была всё время занята и напряжена. Ей казалось, что у неё не было жизни. Зато был полный комплект иллюзий. То, что её все любят. То, что она будет счастлива когда-нибудь, и сейчас живёт правильно, и, естественно, придёт к процветанию. То, что она умна и красива. Вернее, иллюзия была, а уверенности

в этом не было. Но красива она и вправду была. Умна ли? Это трудно понять. Но добра ко всему живому, бережлива к чужим чувствам, отзывчива к чужим страданиям — это ли не ум? Но при том мягка, беззащитна, открыта и откровенна, обидчива и незлоблива, податлива и уступчива — это ли не признак вечного русского дурачка? Или прекрасной дурочки.

Ночкой, конечно, она была не по паспорту, по паспорту она была Алиной. Но родители её сразу назвали Алиночкой, потом решили, что для такого маленького существа это слишком много, и отсекли букву «А», а потом и вовсе сократили до Ночки. И это прозвище было единственно оригинальным, что они ей дали. Их вечным жизненным кредо было: «Не хуже, чем у людей», «Всё, как у всех» и «Что скажут соседи». Они и родили-то её, потому что только поженились, и нужно ж было как-то смотреть в глаза соседям и родственникам, сгорая от неловкости, услышав: «Ну, когда?!» Но дочку они полюбили всем сердцем, маленькую, хрупкую и болезненную. На самом-то деле она не была ни очень маленькой, ни особенно болезненной, так, девочка как девочка, даже высокая среди сверстниц, а бегать и драть коленки они ей попросту не разрешали. «Ты упадёшь!», «Ты не умеешь!», «Ты же девочка!» — говорили они. Ночка верила родителям беспрекословно, ходила мелко, аккуратно, на велосипед не садилась, по деревьям не лазала, мяч

не гоняла. Ощущая себя маленькой и нежной, любила всё, что нежнее и мельче её, всех больных котят и щенков она выхаживала отчаянно, жалела мальшню, птиц и сорванные цветы.

Жила спокойно и как все. Гуляла строго во дворе, платье не пачкала, в Бога не верила, в чёрта тоже — и выросла. Взрослая Ночка, как была красива и добра, так и осталась. И Ночкой осталась тоже. Работала в школе. Дети её не слушались, но любили, хотя на уроках шумели, директорша смотрела на неё сверху вниз, несмотря на рост, свой малый и Ночкин высокий, вечно лишала её премий и надбавок; завуч ставила неудобные часы, а коллеги всё время занимали денег и просили провести за них урок. Она же детей жалела, оценки завывшала, директоршу боялась, перед завучем трепетала, а перед коллегами заискивала... И жила себе тихо, кормила приبلудных кошек, собак и даже бомжей иногда.

Замуж красавица Ночка вышла рано, ещё учась в университете. Он казался ей brutальным, сильным и независимым. Имеющая удивительную способность к любви и пониманию девушка во всех его действиях видела подтверждение того, что он не такой как все. Лучший. Его нежелание учиться выглядело в её глазах как шаг против системы, его неспособность долго задерживаться на одном месте работы — как поиски лучшей доли, его склочный и вздорный характер — как проявление яркого темперамента, а его

попойки с друзьями — как общительность. Родив в двадцать лет дочь Катю, Ночка не переставала крутиться как белка в колесе. Делала студенческие работы однокурсникам, подрабатывала почтальоном и при этом продолжала хорошо учиться. После получения диплома Ночка сразу устроилась на работу в школу и так работала все шестнадцать лет, даже на лето не прекращая трудов: занималась с учениками, писала курсовые и дипломные работы, соглашалась на любую подработку. Муж над ней только посмеивался: «Ты всё бумажки перебираешь, над тобою все смеются, за копейки дипломы пишешь... Себя запустила и дом тоже!» Юрий, которого к тому времени выгнали с двадцать шестого места работы за прогулы, очень любил порядок в доме. Но любил чисто созерцательно, то есть, когда его наводили Алина и Катя, которую он тоже лет с пяти с помощью ремня начал приучать к труду. Ночка после его вспышек агрессии, о которых подробно не хочется говорить, спала на узенькой кровати дочери, прижав к себе её белокурую головку и роняя слёзы в темноту. Дочь ведь не должна слышать, как мама плачет, хотя дочь и сама иногда начинала плакать, едва увидев отца, пришедшего со «встречи с друзьями».

Так что и у Юрца, как его называли друзья, была масса иллюзий. Что он глава семьи, что Алина — глупая, слабая женщина и что его карьера, да и жизнь в

целом, не сложилась благодаря дурацким начальникам, тупым коллегам, ленивой жене и его собственной непутёвой матери, которая уже забыла дорогу к нему в дом, так как каждая встреча оборачивалась скандалом с матами и криками.

Иллюзий не было только у Кати, которая в свои шестнадцать лет уже люто ненавидела людей. Особенно отца. И презирала и жалела слабую и добрую мать. Со стороны Кати такое отношение, конечно, было несправедливым, но её можно понять.

Однажды вечером разразился грандиозный скандал из-за татуировки, которую набила на спине Катя. Выслушав, как отец ругает матом мать за то, что та «хуже кукушки и дочь её — шлюха»... и прочее, Катя собрала вещи, вызвала такси и уехала жить к бабушке с дедушкой — родителям Алины.

Сначала Ночка как-то пыталась вернуть дочь, поговорить с ней, но Катя была непреклонна: «Не хочу вас видеть и слышать». Родители Ночки, спокойные, интеллигентные люди, неожиданно заняли весьма жёсткую позицию: «Раз Катя так решила, будет жить у нас. А ты, Ночка, обуздай своего мужа сначала!» И опять Ночка чувствовала вину. За то, что муж сломал Катину кровать после её ухода, за то, что её, Ночку, облил водкой и грозился поджечь... Ей было невыносимо стыдно. Но именно уход Кати, единственного человека, ради которого, как ей

казалось, она это выносит, подорвал её силы. И вот тогда соломинка переломила хребет слону. Три дня Ночка лежала, не вставая с постели. С работы оборвали телефон, и даже директриса сама приехала поговорить. Но Ночка ни с кем не разговаривала. Тут и Юра заволновался. Неожиданно для него (и для себя тоже) от его внезапно проснувшейся заботы Ночку просто прорвало. Она вскочила, надела первые попавшиеся штаны, кофту, что-то обула и, схватив сумку, выскочила за дверь, попав в объятия своей тёзки — тёплой весенней ночи. «Куда, б...?!» — только и смог выкрикнуть ей вслед заботливый Юра. «В никуда, б...!!!» — в первый раз в жизни матюгнулась Ночка и вдруг почувствовала удивительную свободу. Она как будто приподнялась над землёй, над Юрой и над всем городом. «Козёл!» — уже с космической высоты крикнула она ему и быстро пошла, а потом и побежала вдоль по улице. Юра был малость пьян и не рискнул её догонять. «Куда она денется?» — вяло подумал он и лёг спать.

Действительно, куда? Но Ночка неожиданно для себя самой знала, куда она хочет. На автовокзал. Пешком можно дойти минут за сорок. А потом подремать в кресле до ближайшего рейса. Купить билет и уехать, уехать куда-то. Где нет людей. Прямо как на картинах Рериха. Ночка вдруг вспомнила, что очень любила их. Но дома вешать на стены любые

репродукции и фотографии запрещал Юра. «А теперь можно!» — по-детски радостно и наивно думала тридцатишестилетняя женщина со странным, коровьим именем. Мечты о горах сменились мыслями о бескрайних лесах, тропинках, грибах и ягодах. Она вдруг вспомнила, что одна её знакомая, учительница истории, уехала жить на пенсию в какое-то далёкое село на границе с Башкирией. Вспомнив его название, она опять почти побежала. «Я поеду туда! Прямо на рассвете, на первом автобусе! Поеду! Найду там Анну Сергеевну!» — Ночка твердила это всю дорогу и почти радостно подпрыгивала на ходу, заходя в сонный зал вокзала. Купив у очень мрачной кассирши билет на пять утра, она пошла сразу на платформу. Над самой её головой запел соловей.

Дорога была долгой. Почти три часа. За окном проносились степные пейзажи, постепенно становясь всё более лесистыми, ближе к Башкирии равнина стала изламываться, морщиниться и постепенно превращаться в прекрасные плавные холмы, заросшие лесом. Один выше другого... Но перед глазами Ночки проносились не сочные майские красоты, а картины из собственной жизни с Юрцом. Она смотрела на них как будто со стороны, без обычной боли и обидных слёз, ранее душивших её. Вот он выгнал её во двор зимой в одной ночнушке за сгоревший ужин, вот пришёл пьяный, разбудил и стал оскорблять, рассказывать, почему

она такая дура... Вот он не разрешил ей разводиться горшечные цветы, вот отобрал зарплатную карту, вот привёл собутыльников, когда она и дочь свалились с жестокой ангиной... Этих сцен были тысячи. Одна обиднее другой. Ночка не страдала, вспоминая это, а просто недоумевала, почему не села в этот автобус раньше. Ненадолго всплыл ужасный страх за Катю. Боже, чего она насмотрелась! Но потом вспомнилось, какая Катюшка стала боевая, и даже её дурацкий огненный орёл на теле говорил о том, что в обиду дочь себя не даст. «Дай Бог, всё будет, как надо. Теперь будет», — подумала Ночка, с радостью осознавая, что в прихваченной сумке лежит её зарплатная карта с перечисленными на неё летними отпускными... «Деньги всё-таки мне не помешают!» — порадовалась она, что не отдала накануне мужу карту.

Автобус ехал, вернее, полз по грейдеру через высокие и очень цветные холмы. И вот неожиданно с высоты очередного холма Ночка увидела высокую, покрытую ультрамариновым лесом гору, а у подножья её, как маленькое горное озерцо, лежала деревенька. В центре неё виднелись парк и старинная усадьба, рядом с усадьбой — церквушка и крыши небольших домиков вокруг. Домики располагались свободно и бессистемно. Чувствовалась роскошь пространства, большие огороды, сады и просто заросшие травой участки. «Как красиво! И свободно!» — Ночка вышла из автобуса и всеми лёгкими вдохнула

утренний росистый воздух. Было гораздо прохладнее, чем в городе, и она застегнула доверху тёплую кофточку. Не зная, куда идти и где искать Анну Сергеевну, она направилась по дорожке к усадьбе. Вместе с ней из автобуса вышла высокая прямая женщина в лёгком платье и платке и пошла тоже по направлению к усадьбе. Ночка пошла за ней. Женщина дошла до места и вдруг остановилась перед церквушкой, перекрестилась и пошла ко входу.

— Подождите! — набравшись смелости, крикнула Ночка.

Женщина молча обернулась.

— Вы не знаете такую Печерину Анну Сергеевну? Она здесь года два как живёт.

Женщина молчала.

— Она на пенсии уже. Ей лет шестьдесят. Учителем истории работала. У неё муж врач. Не знаете?

Женщина хмурилась. Она торопилась на службу.

— Она рыжая такая. Весёлая. Если вы местная, вы должны её знать. Вон как мало домов-то... — Ночка совсем растерялась.

— Рыжая. Весёлая! Что ж ты сразу не сказала, что Анютку ищешь? — женщина вдруг приветливо заулыбалась. — Вон её дом. Жёлтый. Большой. Ива там растёт. Видишь?

— Да! Вижу! Спасибо! — озябая Ночка побежала по тропинке к красивому дому, почти не прятаясь за белым штaketником.

Добежала до калитки и оробела. Как объяснить всё это своей знакомой? И что спрашивать?

Сбежать-то сбежала, а делать что теперь?

Пока Ночка размышляла, сама Анна Сергеевна показалась на тропинке, вернее, сначала показалась смешная собачка, которая тявкала и явно радовалась утренней пробежке, а потом и невысокая женщина, действительно с рыжими волосами, которые явно пытались связать узлом, но они выбились и жили своей жизнью. Анна Сергеевна остановилась, узнавая, а потом радостно раскинула руки.

— Алина! Очень рада вас видеть!

Ночка не привыкла к объятиям, но про себя отметила, что ей была приятна такая встреча.

— Заходи! Я пирог вчера испекла, будем завтракать, какао сварю, — быстро заговорила Анна Сергеевна, видя, что в глазах Ночки заблестели слёзы. — Ну, идём, зазябла вся! Какая ты хорошенькая, стройная, и коса такая же, как раньше. Молодец, что не отрезала её...

Бывшая коллега говорила быстро, весело, сама при этом ловко и несуетливо проводила Ночку в дом, показала, куда ставить обувь, дала тёплые тапочки, усадила за стол в уголок, где стояла выбеленная деревянная лавка и было много цветных подушек разного размера и формы. Над лавкой висело несколько картин.

— Это гостевое место. Садись. Вот и какао. Пей, моя хорошая. Поспишь с дороги? Нет? О, смотри, кошка к тебе пришла. Это Пятнышко. Она дикарка. Сама на

колени к тебе залезла! Любят тебя животные, Алина. Это хорошо!

Анна всё говорила, говорила, а Ночка, оттаивая в уюте, вдруг уронила голову на руки и зарыдала. Так, как никогда в жизни. Слёзы, подобно горному потоку, образовавшемуся во время весеннего ливня, даже не текли, а бурно лились, неслись, унося с собой камни и ветки мёртвых деревьев. Но на сердце у Ночки становилось всё чище и веселее. С каждой слезинкой тяжесть улетучивалась, пока не осталась удивительная лёгкость. Поток иссяк. Ливень кончился. И как будто солнышко осветило свежую зелень, умытые камни и пригнутые водой, но словно осыпанные бриллиантами цветы.

Ночка улыбнулась. Отхлебнула какао. Попробовала пирога и спросила:

— Можно ли здесь снять на лето домик или комнатку? Но лучше домик. Хочу быть одна.

Анна Сергеевна, понимая, что вопросы ни к чему, ответила:

— Конечно, Алиночка! Отдыхай, а потом пойдём к одному человеку. Главе сельсовета и моему хорошему другу. Он все дома тут знает!

Семён Иванович — местный глава. Высок, красив, бородат и холост. Холост, наверное, он был временно, так как сменил уже трёх жен, да и вздыхали по нему не только местные одиночки, но и женщины и даже девушки из соседних сёл, хотя шёл ему седьмой десяток. Но сейчас он был страстно

и тайно влюблён в Анну Сергеевну, Анютку, как её все тут называли. Он, конечно, думал, что его симпатии тайные; на самом деле о его влюблённости знали все, даже старик инвалид, живший за рекой в лесу, и его почти глухая старуха жена. Семён Иванович радостно встретил Анну Сергеевну и Ночку. Его синие глаза озорно залучились, зная, что ему есть чем помочь своей зазнобе.

Нарочито окая и говоря витиевато, он проводил женщин к маленькому домику у реки, который спрятался среди нескольких могучих ольх. Напротив стоял синий дом, где обитала пожилая пара, но больше рядом домов не было. В пяти метрах от дома начинался лес.

— Вот и дом тебе, краса-девица. Платить ничего не нужно. Хозяйка дома померла, наследников нет. Художники да писатели тут бывают. Друзья мои. Городские. Ключ висит под крышей. Вот, гости дорогие, заходите, хозяйничайте.

Семён Иванович напоминал Ночке сказочного богатыря. Он открыл ключом дверь, распахнул её и, шагнув в деревянную избу, сразу перекрестился на почерневшую от времени икону. Ночка, смущаясь, вошла за ним. Робея, вслед за ним перекрестилась на икону, не умея этого делать и стесняясь. Потом присела на зелёный табурет. Семён Иванович ходил по дому, заглядывая во все деревянные шкафы, сундуки и даже кастрюльки. Потом ненадолго исчез и появился

с двумя ведрами воды. «Колодец там, коромысла нет. Не сердчай!» — Семён Иванович поставил воду у стола и опять исчез. Ночка всё сидела, прислушиваясь к вздохам ольхи, шёпоту ручья и тишине этого странного дома. Анна Сергеевна тоже куда-то сбежала. Вновь появившийся Семён Иванович поставил на стол корзинку с рыжими яйцами, трёхлитровую банку молока, пакет творога и тушку курицы.

— Вот, красавица. Кушай. Всё моё, всё чистое, свежее. Холодильник тут рабочий вроде. Печку топить не надо. Тепло. Ну, прощай! — Семён Иванович по-русски поклонился и ушёл.

Скоро прибежала Анютка, она принесла кое-какую одежду и постельное бельё.

— Вот. Алина, держите. Тут в пакете продуктов немного. Не стесняйтесь. Этот дом хороший. Устраивайтесь. Если что — я у себя. Пока!

Анна Сергеевна убежала. Ночка встала и медленно обошла дом. Две комнаты и веранда. Светло, разноцветно и не очень чисто. Дом старьёй, очень тесный, но уютный, деревянный. Пахнет дровами, дымком и немного мышами. Ладно хоть есть электричество и даже маленькая плитка, а то было бы совсем плохо. Ночка аккуратно поставила на стол пакет с продуктами, которые ей дала Анна Сергеевна. Потом подумала и повесила его на гвоздик, вбитый в балку над столом. Под столом же она с удивлением увидела чайник.

Дом был не пуст. Всё нужное и даже немного разной поношенной одежды, много посуды: и пустые вилки-тарелки, и даже изысканные непарные бокалы, и один хрустальный графин обитали в нём. Ночка немного терялась. Этот день был длинный и не похожий ни на один из дней её прежней жизни. Она ещё стояла на веранде, как в оцепенении. А потом сняла кофту и бросила её на деревянную скамейку. И не услышала гневного и матерного окрика мужа. Ей стало радостно и очень свободно. Она знала, что делать. Ночка сполоснула чайник в ведре воды, а потом набрала его из другого и поставила на страшную плитку, даже не опасаясь, что её шарахнет током. Самое страшное было позади. Потом, словно очнувшись от спячки, принялась за уборку. Деловито, быстро и весело. Она никогда до этого не была в деревне, не ночевала одна в доме, знала только город и квартиры, так уж вышло. А тут туалет на улице, баня, летний душ, печь. «Хорошо, что май тёплый», — порадовалась Ночка.

К вечеру, закончив дела, Ночка почувствовала, что она одна в этом доме. За окном быстро темнело, стало очень тихо, лишь изредка доносился лай собак. Ночка закрыла дверь на засов. «Новая жизнь!» — подумала Ночка, рассеянно глядя на мольберт и этюдник, которые словно ждали её в углу.

На следующий день позвонила родителям и сказала, где её искать, если захотят, но чтобы Юрцу адрес ни в коем случае не давали. Родители, узнав от Кати про их жизнь, не стали с ней спорить и говорить, что не по-людски это — сбежать вот так. На работе ей на удивление простили прогулы и спокойно отправили в отпуск. С Катей она пока не решилась поговорить, просто с тихой радостью слушала, что у Кати всё хорошо.

Спустя две недели к дому подъехала машина с надписью «такси». Из машины вышел, хмурясь, отец Ночки, а потом вылетела Катя. Катя сразу вбежала во двор и остолбенело замерла, увидев мать, сидящую у мольберта. Мама её была в рваных джинсах и мужской рубашке, коса была обернута вокруг головы. Ночка сосредоточенно посматривала на цветущую сирень, потом смешивала на палитре краску, наносила на картонку, стоящую у мольберте.

— Мама! — выдохнула Катя и обвила шею Ночки руками.

Ночка замерла, наслаждаясь объятиями дочери. Аккуратно поставила палитру и тоже крепко обняла Катю.

— Катюш, прости меня, — прошептала Ночка ей в волосы.

— Ничего, мам, я понимаю, почему ты сбежала. Мама, какая ты стала красивая! — Катя любовалась мамой, её картиной и домом.

— И счастливая, Кать, очень счастливая!